

RECENZIJOS

Українські грамоти XV ст. (Пам'ятки української мови XV ст. Серія юридичної літератури). Подготовка тексту, вступна стаття і коментарі В. М. Русанівського Київ, „Наукова думка“, 1965, 164 стр.

Значение грамот в изучении староукраинского языка в научной литературе оценено давно. Выход в свет пробного зошита „Словника староукраїнської мови IX—XV вв.“ показал, что среди его источников памятники деловой письменности (актового языка) занимают доминирующее положение. Поэтому появление настоящей книги нельзя признать случайностью. Она тесно связана с той большой научно-исследовательской работой, которая ведется украинскими языковедами по изучению староукраинского языка и подготовке исторического словаря.

Украинские грамоты XV в. публикуются уже не первый раз. Однако предыдущие издания не были предназначены для лингвистических целей и изобиловали ошибками, что не раз приводило исследователей к противоречивым и даже неверным выводам. Кроме того, значительное количество грамот вышло в зарубежных изданиях, которые в наших библиотеках представляют большую библиографическую редкость. Таким образом, появление новой публикации украинских грамот было продиктовано целым рядом важных обстоятельств.

Рецензируемая книга состоит из трех частей: введения (стр. 5—23), текстов грамот (стр. 25—138) и указателей (стр. 139—158). К печати книга подготовлена В. М. Русановским. Во введении составитель отмечает низкий уровень предыдущих изданий, излагает правила, по которым публикуются тексты грамот, и указывает основные принципы построения настоящего издания. Здесь же дается краткая характеристика деловой письменности на Украине. Все грамоты, в зависимости от их территориального происхождения и принадлежности определенной школе письма, распределены на пять групп: 1. Грамоты Центральной Украины. 2. Грамоты Западного Подляшья. 3. Грамоты Галичины. 4. Грамоты Молдавии и 5. Закарпатская грамота. Каждой группе дается общая характеристика, рассматриваются их фонетические и морфологические особенности, наиболее характерные черты их письма и пр.

Вторую, т.е. самую большую часть книги, занимают тексты публикуемых грамот. Тексты набраны современным украинским шрифтом с добавлением отсутствующих в нем букв староукраинского письма. Тексту каждой грамо-

ты предшествует палеографический комментарий, в котором анализируется письмо грамоты, отмечается ее писчий материал, степень сохранности, имеющиеся надписи и другие внешние признаки. Здесь же указываются прежние публикации грамоты, нынешнее место ее хранения, дата написания и источник, по которому печатается ее текст. Тексты всех грамот публикуются *in extenso*. Всего издано 67 грамот, из которых 5 (№№ 1–5) относятся к центральной Украине, 23 (№№ 6–28) – Западному Подляшью, 3 (№№ 29–31) – Галиции, 33 (№№ 32–64) – Молдавии и 1 (№ 65) – Закарпатской Украине. Две грамоты, не примыкающие по своим языковым особенностям ни к одной из вышеуказанных групп, напечатаны отдельно в приложении. В каждой группе грамоты расположены в хронологическом порядке. Положительным является то, что 10 грамот в книге представлены фотоснимками.

Помещенные вслед за текстами грамот указатели личных имен и географических названий значительно облегчают использование напечатанного материала. Кроме фамилии и имени, в указателе личных имен нередко отмечается общественное положение, должность и род занятий названного лица. В указателе географических названий включены наименования населенных пунктов, лесов, озер, урочищ, имений и пр. Там, где удалось установить их точную локализацию, параллельно приводится и официальное сегодняшнее название. Издание завершается „Словарем некоторых малопонятных слов“, в котором дается толкование важнейших терминов и выражений, встречаемых в текстах грамот.

Ценность изданной В. Русановским книги не подлежит сомнению. В ней 10 грамот (№№ 1–5, 20, 22, 23, 27, 31) публикуются впервые: одна из них (№ 22) издается по оригиналу, остальные – по поздним копиям, среди них три (№№ 2, 20, 23) – в польской транскрипции. Еще 24 грамоты (№№ 6, 7, 12, 26, 28, 29, 33 и др.) печатаются по оригиналам, в то время как в прежних изданиях они выходили по различным копиям. Издание всех грамот с сохранением особенностей староукраинского письма составляет одно из главных достоинств книги. Публикация с успехом может быть использована не только языковедами, но также историками и юристами. Несомненно, что опубликованный в книге материал будет способствовать быстрейшему разрешению спорных и неясных вопросов по истории староукраинского языка.

К сожалению, рецензируемая книга не лишена некоторых недостатков и даже крупных ошибок. Ввиду того, что выпуском данной книги начинается издание серии юридических памятников староукраинского языка, рассмотрение допущенных в ней ошибок становится явной необходимостью. В приводимых ниже замечаниях мы и позволим себе остановиться на них более детально.

В книге 6 грамот (№№ 8–11, 21, 65) напечатано по другим изданиям, но только в одной из них (№ 11) текст передан безошибочно. Так, Закарпатская грамота (№ 65) издана по фотоснимку, приложенному к статье А. Антошина¹. Сличение показывает, что вместо *марамурешским* напечатано *маромурешским*, вместо *немиши* – *непшиш*, вместо *ихъ* – *ихь*, вместо *въ лѣт* – в

¹ А. Антошин, Закарпатская грамота 1404 года. – Научные записки Ужгородского гос. университета, т. ЖП, Львов, 1955, после стр. 12.

лѣто, вместо воевода и драгъ — воевода драгъ. Тексты трех грамот (№№ 8, 10, 21) заимствованы из книги В. Курашкевича². В грамоте № 21 читаем *и з грошовыми, и по тому так, што в околнем городе* вместо *из грошовыми, и потому так, отовоколнем городе*. Подобная „поправка“ текста оригинала, даже если она была бы правильной, должна непременно сопровождаться пометкой в подстрочных примечаниях, чего, однако, составитель не сделал.

В грамоте № 10 напечатано *подолской, смотрицкий, оуслить, книжи писарь*, в то время как на фотоснимке у В. Курашкевича *подолскои, смотрицкии, оуслить, книжи писарь*. Не меньше ошибок сделано и в грамоте № 8, где вместо *с луги, слоужбы отпустили, слѣдоу, нашоу* набрано *и луги, службы отпустили, слѣду, нашу*; вместо *Вячкович — Вѣчкович* и даже *Вачкович*. Кроме того, составитель совершенно умалчивает, что текст данной грамоты был занесен в Литовскую Метрику и уже трижды издан³. В особенности ценным является издание М. Довнар-Запольского, в котором дано правильное толкование запутанного места грамоты. Но это издание осталось составителем неиспользованным. Ничего не сказано и о подлинности этой грамоты, хотя она давно отнесена к фальсификатам⁴.

О правильности передачи в книге текста некоторых грамот можно судить по помещенным в ней фотоснимкам. Так, в тексте грамоты № 6 напечатано *михайлович, андрѣмь, володислава, у троцѣхъ, а на фотоснимке (стр. 33) — михайлович, андрѣмь, володислав, оу троцѣхъ*. В грамоте № 12 читаем *дединоу, из доубровами, зѣнко ловоуньскыи* вместо *дѣдиноу, и з доубровами, зѣнко лобоуньскыи*⁵ по фотоснимку на стр. 39. Дата грамоты № 29 имеет буквенное обозначение: по фотоснимку *аука* (1421 г.), а по набранному в книге тексту — *ацка*, т.е. 1921 г. В 4–6 строках грамоты № 22 напечатано *въ фунт, мовилищесте*, а на фотоснимке (стр. 51) — *въ фунт, мовилиесте*. Кроме того, эта грамота дефектна — утрачена правая часть текста между 5 и 12 строками. Правильное прочтение ее текста осложнено еще тем, что она написана сплошным текстом, без промежутков между словами. Напечатанная в книге строка 10-ая *моим дозволили в локот и в фунт торговати и сол продавати* является малопонятной из-за слова *моим*, так как оно не вяжется ни с предыдущим, ни с последующим текстом. Мы предполагаем, что в этом слове подготовителем текста неправильно слиты два слова — вторая половина слова *обыхмо* и слово *им*. Первая половина слова *обыхмо* утрачена вместе с частью текста строки 9-ой. Восстановив утраченный текст в прямых скобках, данное место грамоты будет читаться следующее: *мещане тро-*

² W. Kuraszkievicz, *Gramoty halicko-wołyńskie XIV–XV wieku*, Kraków, 1934, p. 133–136.

³ М. Baliński и Т. Lipiński, *Starożytna Polska pod względem historycznym, geograficznym i statystycznym*, wyd. 2, t. III, Warszawa, 1886, p. 524–525; *Акты литовско-русского государства*, изданные М. Довнар-Запольским, вып. I, Москва, 1900, стр. 2–3; *История белорусской (крыўскай) кнігі*, апрацаваў В. Ластоўскі, Коўна, 1926, стр. 142–143.

⁴ Н. Zowmiański, *Uwagi w sprawie podłoża społecznego i gospodarczego unji jagiellońskiej*. — *Księga pamiątkowa ku uczczeniu czterechsetnej rocznicy wydania Pierwszego Statutu Litewskiego*, Wilno, 1935, p. 291–292.

⁵ *Лобоуньскыи*, а не *ловоуньскыи* читается и по изданию. — *Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie*, t. I, Lwów, 1887, str. 50.

цкие хрестияне [просили нас абых] мо им дозволили в локот и в фунтъ торговати... Следует отметить, что аналогичные конструкции с словом *абыхмо* встречаются в грамотах №№ 17 и 26.

В книге 8 грамот (№№ 14–19, 24, прилож. 11) издано по Литовской Метрике, хранящейся в Центральном государственном архиве древних актов в Москве. Здесь мы и произвели сверку опубликованных в книге текстов с их оригиналами. Оказалось, что из восьми грамот правильно передан текст только двух — №№ 17 и 24. В грамоте № 15 пропущена буква *и* после слов *хотель габати до року*; вместо *мыто луцкое* напечатано *мыто луцкое* (строка 4-я). В грамоте № 18 напечатано *мыто ... литовжское, инъшими дорогами*, в то время как в оригинале написано *мыто литовижское, инъшими дорогами*.

Не лучше передан текст и грамоты, помещенной в приложении под номером II. Здесь вместо текста по оригиналу *А вы хотя и сами* напечатано *А бы хотя и сами*, вместо *рать моя прибежши* — *рать моя прибежши*, вместо *а полонъ вашъ у нихъ отънемъ* — *а полонъ вашъ у нихъ отънему*. В тексте пропущен союз *а* в начале предложения, перед словами *от сего часу*. Кроме того, составителю следовало оговорить непоследовательность текста, возникшую по вине писца. В издании И. Лаппо не только указана эта ошибка писца, но и восстановлена правильная последовательность текста⁶.

Две грубые ошибки сделаны в тексте грамоты № 16: вместо *а 50 бочок овъса* напечатано *а 8 бочок овъса* и вместо *шуба кунья* — *шуба князя*. А ведь эта грамота печаталась уже четырежды и всегда ее текст передавался правильно⁷. Одно из этих изданий (И. Лаппо) составитель указывает сам, но почему он не воспользовался им для сличения издаваемого текста — остается непонятным. Кроме того, указанная грамота состоит из двух документов — упоминков, помеченных различной датой и разделенных красной строкой. Несмотря на это, в публикации выставлена одна дата и текст передан слитно.

Во время наших занятий в Киеве были подвергнуты сверке грамоты №№ 2 и 4, оригиналы которых хранятся в Государственной публичной библиотеке Украинской ССР. В грамоте № 2 напечатано *Ziemi Kiiwskich* вместо *Ziem Kiiowskich* по оригиналу; *na cerkwi rozdati* вместо *na cerkwi rozdaty*; *takowy czyniu poradok (!) ostatnij woli moiej* вместо *takowy czyniu poradok ostatniej woli moiej*. Восклицательный знак, поставленный после слова *poradok*, говорит о том, что здесь имеем дело не с опиской или неправильным набором, а просто, с невнимательным чтением. Оно иллюстрируется и грамотой № 4, где в предложении — *Пожаловали есмо слугу со вѣмъ с тымъ, што к тому селу слушитъ, яко самъ есмо держалъ* — слово *слушитъ* заменено на *служитъ*. Из печатаемых в книге грамот видно, что пожалованье всегда производилось с передачей, уступкой определенных прав и доходов в пользу нового „держателя“ (грамоты №№ 3, 28 — *прислухало*, № 8 — *слушало*, № 31 — *слушает*,

⁶ Литовская Метрика. Книга записей (РИБ, т. XXVII), СПб., 1910, стлб. 349–350.

⁷ Skarbiec dyplomatów..., Zebrał J. Daniłowicz, t. II, Wilno, 1862, p. 224, Nr. 2031; Сборник Муханова, изд. 2, СПб., 1866, стр. 13, № 11 (изд. I, 1836); Акты, относящиеся к истории Западной России, т. I, СПб., 1846, стр. 109, № 89; Литовская Метрика (РИБ, т. XXVII), стлб. 508.

№ 27 — *прислухает*, №№ 1, 13, 23 — *прислушает*). Нарушением археографических правил является определение даты этой грамоты. В самом тексте дата имеет двойное обозначение — 6976 г. от т.н. сотворения мира и индикт 6. При переводе на наше летосчисление первое из них означает 1468 г., а второе — 1473 г. Сохранившиеся на подлиннике грамоты две пометки свидетельствуют, что это несоответствие дат исследователями замечено давно. Пометка красным карандашом указывает на 1486 г., а синим, другим почерком в конце грамоты — на индикт а [1] и 1468 г. Последняя пометка составителю показалась настолько убедительной, что он решил исправить по ней даже индикт подлинника. Разумеется, вопрос правильной датировки грамоты этим разрешен не был.

Нужно сказать, что вопросы датирования грамот в книге разрешены вообще неудовлетворительно. На стр. 25 составитель обещал обозначить звездочкой те грамоты, датировка которых вызывает сомнение. Однако такую пометку имеют лишь первые две грамоты, хотя еще в четырех грамотах (№№ 4, 5, 27, 31) индикт не совпадает с годом. Противоречие в датировке этих грамот составителем разрешено очень просто: индикты их были отброшены и даты грамот остались сами по себе. В грамоте № 19 ошибочно указан индикт 7 вместо 6, вследствие чего она неверно датирована 1489 г. Грамота была издана С. Бершадским⁸ и И. Лаппо⁹ с правильной датировкой — 1488 г.

Документ № 14 датирован составителем 1480/1484 гг. До этого он издавался трижды — у М. Любавского¹⁰ и И. Лаппо без даты, а у Н. Костомарова¹¹ под 1480 г. Сам документ не датирован и занесен в Литовскую Метрику вместе с другими шестью документами разнородного содержания, из которых только два датированы: один 1465 г., а другой 1479/1484 гг.¹² Ввиду этого становится непонятным, чем же руководствовался составитель при датировке этого документа 1480/1484 гг.

Неверно определена и дата грамоты № 22. В самом тексте она обозначена по тогдашнему летосчислению — *в троцох, июль, 23 день, индикт 12*. В книге дата грамоты указана в ее заголовке — 23 сепня 1493 року. Прежде всего непонятно, почему месяц *июль* назван по-украински *сепнем* при общеупотребительном его названии *липень*. К тому же индикт 12 падает не на 1493, а на 1494 г. Это, видимо, составителю известно, так как следующие две грамоты (№№ 23 и 24), помеченные индиктом 13, датированы им правильно — 1495 г. Хотя составитель и говорит, что эта грамота публикуется впервые, но она уже давно введена в научный оборот норвежским ученым Х. Стангом, притом с правильной датировкой — 1494 г.¹³ Выдача грамоты именно в этом

⁸ Русско-еврейский архив. Документы и материалы для истории евреев в России, т. I, СПб, 1882, стр. 44–45, № 16.

⁹ Литовская Метрика (РИБ, т. XXVII), стлб. 223–224.

¹⁰ М. Любавский, Областное деление и местное управление литовско-русского государства, М., 1892, прилож. стр. I, № 1.

¹¹ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, Т. II, СПб., 1865, стр. 110, № 77.

¹² Н. Бережков, Литовская Метрика как исторический источник, М.—Л., 1946, стр. 62, 90–91, 118.

¹³ Ch. Stang, Die Westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen, Oslo, 1935, p. 53, Nr. A 24.

году подтверждается и другими данными. В тексте грамоты сказано, что великий князь собирается в дорогу и будет иметь остановку в Волковыске. И действительно, 7—25 июля 1494 г. Александр находился в Троках (ныне Тракай), после чего отправился в Ейшишки, Волковыск, Дорогичин, Каменец и др. города и лишь в середине ноября вновь вернулся в Троки. Между тем, в июне—октябре 1493 г. Александр подобного путешествия не совершал и находился в Троках¹⁴. Это означает, что грамота действительно была выдана в 1494 г.

Текст грамот №№ 20, 23 и 25 передан по копиям позднего происхождения. На основании особенностей письма и водяных знаков, рисунки которых помещены в книге, эти копии датируются XVII в. Нам же кажется, что особенности письма скорее говорят в пользу XVIII, чем XVII века. Это подтверждается и водяными знаками, которых составитель не понял. Рисунок водяного знака (стр. 48), изображающего мадонну с младенцем в окружении венка из пламени, довольно искажен и помещен вверх ногами. Этот водяной знак обозначал определенный сорт бумаги, которая по-немецки называлась „Marienbildpapier“ или „Madonnenpapier“. Бумага с этим водяным знаком стала производиться в Восточной Пруссии не ранее 1715 г., а в середине XVIII в. ее производили уже многие бумажные мельницы Восточной Пруссии, Польши и Великого Княжества Литовского¹⁵. Рисунки водяного знака на стр. 52 и 55 представляют не что иное, как контрамарку водяного знака „Мадонна“. Поэтому копии вышеуказанных трех грамот следует датировать XVIII, а не XVII веком.

Хотелось бы высказать несколько замечаний об указателях. В указателе личных имен отсутствует строгая последовательность, что представляет некоторые неудобства при его пользовании. Одни лица включены в указатель под фамилией — отчеством (Миткевич Пашко, стр. 143; Олизарович Клым, стр. 144), другие же — под именем (Пашко Нестекович, стр. 144; Сенко Олизарович, стр. 145). Отсылки применяются там, где они не нужны (стр. 143: Михаил Протопопович див. Протопопович Михаил) и отсутствуют там, где они должны быть (стр. 26, грамота № 1, Вытолт).

Почти каждое лицо в указателе сопровождается краткой характеристикой но она не всегда верна и не вытекает из текстов издаваемых грамот. Так, упоминаемые в грамоте № 8 (1407 г.) члены великокняжеской рады, паны Дедиголд, Остик Кезгаил, названы в указателе шляхтичами. Подобная замена допустима для середины XVI, но никак не для начала XV столетия, когда паны находились еще в привилегированном положении.

В указатель попали не все личные имена. Одни из них пропущены по недосмотру (напр., Бутрим, № 8, стр. 35), а другие, написанные в сокращенной форме, не раскрыты. Раскрытие их способствовало бы и более правильной передаче текста грамот. В книге заключительная часть грамоты № 28 (стр. 63) напечатано: *при том были во вил пан мик ради канцлерь амр двор наш*

¹⁴ Н. Березков, Итинерарий великих князей литовских по материалам Литовской Метрики. — Археографический ежегодник за 1961 г., М., 1962, стр. 185—186.

¹⁵ J. Siniarska-Czaplicka, Znaki wodne papierni Mazowsza 1750—1850, Łódź, 1960, str. 46, 228—248; H. Kohtz, Ostpreussische Papierfabrikation, Königsberg in Pr., 1934, S. 58.

мер цонк пн грсти Остико а нам пунь пан станислав бартоше и наме волди пан василей хребтович. В раскрытой форме этот текст читается совершенно по иному: ... при том были во [евода] Вил [енский] пан Мик [олай] Ради [виллович] канцлер а м [ар] [шалок] двор [а] наш [ого] Мер [ецкого] и Он [и] к [штенского] пан Гр [ыгорий] Ст [аниславович] Остико а нам [естник] Пунь [ский] пан Станислав Бартоше [вич] и наме [стник] Вол [о]ди [мирский] пан Василей Хребтович.

В указателе географических названий к Луцкому ключу (стр. 152) отнесен город Луцк с принадлежащими ему землями, угодьями и населенными пунктами. Но М. Любавский, исследовавший Луцкий ключ по материалам Литовской Метрики, в его составе г. Луцка не нашел¹⁶. Неправильное представление о составе Луцкого ключа послужило основой неверного толкования и самого термина *ключ* (стр. 157). Как известно, господарские столовые имена, доходы от которых шли на содержание великокняжеского двора, назывались экономиями и делились на ключи, имевшие обычно в своем составе по несколько соседних деревень.

Двойная ошибка возникла в географическом указателе из-за невнимательности к тексту на стр. 42: ... а на горине Став што небожъчик семен заставиль а ступа а с того млына и деть на городъ меръки, тымъ млынсмъ может се городъ живити хлебом. Слово *меръки* в указателе придано значению города и обозначено его местонахождение у реки Горини. К тому же, от названия этого города выводится происхождение производного слова *мерецкий* (стр. 152). Рассматриваемый документ представляет инвентарь города Кременца, в котором перечислены его доходы и имущество. Слово *меръки* (мерка), как явствует из вышеприведенного текста, обозначает здесь определенную единицу измерения (зерна или муки), которая взималась в виде налога в пользу города Кременца. Ни в одном из прежних изданий слово *меръки* не рассматривается как название города. Поэтому и *мерецкий* приходится выводить не от мнимого города *меръки*, а от какого-то другого. Таким городом является Меречь (Meretium, Merkenpille, Merken, ныне Меркине), лежащий при впадении реки Меречанки (ныне Меркис) в Неман. Здесь находился господарский двор с волостью, который отдавался в держанье особым наместникам, носившим название *мерецких*¹⁷.

Третий указатель — это „Словарь некоторых малопонятных слов“. Говорить о его полноте не приходится — он занимает всего две с небольшим страницы. В нем отсутствуют важнейшие административные (повет, воевода, староста и др.) и юридические (след гонити, держати, дати увазанье и др.) термины. Совершенно не отражен в Словаре нумизматический материал, хотя в грамотах упоминаются различные названия денежных единиц: широкие гроши, золотые вгорские, полугрошки, подольские, гривны личбы польской, гроши добрые монеты Киевской и пр.

Толкование в Словаре отдельных терминов нужно признать весьма неудавшимся. Так, уряд *чашиника* Великого Княжества Литовского приравни-

¹⁶ М. Любавский, Областное деление..., стр. 216 и след.

¹⁷ М. Любавский, Областное деление, стр. 148—150. М. Baliński i T. Lipiński, *Starożytna Polska pod względem historycznym, geograficznym i statystycznym*, t. III, Warszawa, 1846, str. 338—345.

вається к должности молдавского пахарника, обязанностью которого было собираніе натуральных податей и обеспечение великокняжеского двора напитками (стр. 157, 158). Между тем, чашник вовсе не занимался сбором каких-либо податей — участвуя в придворных торжествах, он подавал великому князю напитки. Термин *розезд* в Словаре определяется (стр. 157) как „загада, невеликий озброений загін, сутичка“. Истинное значение этого термина — выездной суд по земельным спорам — было установлено еще Ф. Леонтовичем более полувека тому назад по актам Литовской Метрики XV в.¹⁸ Подобное курьезное толкование дается и термину *воловщина* (воловщина) — „мито, яке брали з купців від кількості волів у обозі“ (стр. 156). Мнения всех исследователей в отношении значения этого термина совершенно сходятся: это подать, уплачиваемая землевладельцами Волынской земли. Ею облагалась „воловая соха“, т.е. земля, которая могла быть вспахана при помощи одной сохи. Грамотой, данной в 1509 г. Волынской земле, воловщина была отменена навсегда¹⁹.

В указателе личных имен и географических названий следовало указать страницу, а не номер грамоты, так как некоторые из них (№№ 2, 25, 35, 55) занимают по несколько страниц. Еще хуже с третьим указателем — словарем — в нем не указано ни номера грамоты, ни страницы, на которой находится включенное сюда слово. Для изданий, предназначенных к лингвистическим целям, необходимым является словарь-перечень всех слов и форм, встречаемых в публикуемых текстах. Такие словари имеются у В. Розова, В. Курашкевича, Х. Станга, но его нет в рецензируемой книге.

В публикации встречаются и различные мелкие ошибки. Напр., в тексте грамоты № 28 и в указателе написано *И вашко* Русинович, а в заголовке грамоты — *Иван* Русинович. Грамота № 19 напечатана в т. 27 Русской Исторической Библиотеки не на стр. 224—225, а в столбиках 223—224. Река *Борщевка* упоминается не в грамоте № 25, как это помечено в указателе, а в № 26. *Глуский Мишко* упомянут не только в грамоте № 12, но и в № 13. Кроме того, надстрочные знаки (точки) в одних случаях передаются, а в других — не передаются, польский текст транскрибируется неодинаково, взметы в конце слов иногда вносятся в строку. Пагинацию Литовской Метрики следовало указывать не новейшую, а старейшую, как это делалось во всех прежних публикациях.

Грамот XV ст. в научной литературе известно гораздо больше, чем их издано в настоящей книге. Жаль, что во введении не сказано, по каким признакам производился их подбор к изданию. Ничего не сказано и о том, что Центральной Украины напечатано в книге всего 5 грамот, а с территории Молдавии — 33. Поэтому мы вправе сомневаться в целесообразности такого непропорционального распределения грамот в территориальном отношении и подборе их к изданию.

¹⁸ Акты Литовской Метрики, собр. Ф. Леонтовичем, т. I, вып. I, Варшава, 1897, стр. XXII, XXV.

¹⁹ М. Довнар-Запольский, Государственное хозяйство Великого Княжества Литовского при Ягеллонах, т. I, Киев, 1901, стр. 715—717; М. Любавский, Областное деление..., стр. 480—483; М. Ясинский, Уставные земские грамоты литовско-русского государства, Киев, 1889, стр. 151.

Наконец, все ли включенные в книгу грамоты представляют памятники украинского языка? Ведь в книге находим грамоты, написанные не на Украине и адресованные не украинским землям. Так, напр., грамота № 22 писана в Тракай и дана жителям города Каунаса. В содержании грамоты также нет ничего, что могло бы относиться к Украине. По языковым особенностям эта грамота вместе с грамотой № 28, отнесена Х. Стангом к белорусским²⁰. Еще две грамоты (№№ 6 и 7) были причислены к белорусским в свое время Е. Карским²¹. Мы не ставим своей задачей доказать, насколько эти четыре грамоты являются украинскими или белорусскими, но в публикациях текстов, предназначенных для языковедов, сделать это следовало бы. В книге же этот вопрос обойден молчанием.

Публикации исторического источника всегда предшествует большая подготовительная работа. Что это работа была недостаточной при подготовке рецензируемой книги к изданию — об этом лучше всего говорят многочисленные ошибки. В своей совокупности они ощутимо снижают научную ценность этой весьма нужной и важной публикации. Станным является и то, что книга издана в Киеве, т.е. в одном из тех центров нашей страны, где ведется подготовка высококвалифицированных научных кадров по вспомогательным историческим дисциплинам.

В. Рауделюнас

---

²⁰ Ch. Stang, *Die Westrussische Kanzleisprache...*, p. 54.

²¹ Е. Карский, *Белорусы*, кн. I, Вильна, 1904, стр. 361.